

СЛИВИН Юрий Николаевич

*Родился 10 октября 1958 года,
погиб 10 декабря 1982 года, посмертно
награжден орденом Красной Звезды,
похоронен в Челябинске*

«Жить здесь можно, правда, непривычно, кругом горы. Где я нахожусь, температура часто +15 +20 градусов тепла, если проехать в одну сторону километров 50, то будет +30 +40, если в другую километров 10, то будет уже -20 градусов. Арбуз любого размера стоит 70 копеек, здесь по весу их не продают. Вот такая жизнь...» — писал родным Юрий Николаевич Сливин в ноябре 1982 года. А через три недели его не стало...

Только тогда родные узнали о настоящей, реальной жизни Юрия в Афганистане. Сослуживцы описали и тот самый перевал Саланг, усыпанный останками подорвавшейся на душманских минах советской бронетехники, и массовые заболевания среди солдат — последствия тех самых перепадов погоды, рассказали и о том, как порой именно незнание горной местности становилось причиной гибели наших парней.

— О том, что он будет военным, Юра заявил еще в школе, — рассказывает его мама, Зоя Николаевна Сливина. — Я не противилась, думала, пошел по стопам отца — Николай тоже был военным, погиб в 1965-м в Чехословакии. Только надеялась, не повторит его судьбу... После восьмого класса выпросил в военкомате направление в Свердловское суворовское училище, после его окончания стал курсантом Челябинского высшего военного танкового училища. В 1982 году его, служившего в то время в Белоруссии, направили в Афганистан. Отозвали прямо из отпуска, он как раз приехал в Челябинск к семье — жене Тане и маленькой дочке Вике. Отбил нам телеграмму: мол, давайте встретимся перед отъездом в ДРА.

— Доброта — вот чем отличался Юра от многих, — продолжает Зоя Николаевна. — Устану ли я после работы, случится ли конфуз у его друга в суворовском, он всегда рядом, поможет, поддержит, подскажет... С ним всегда было легко и спокойно — мы с ним вдвоем по турпутевкам объездили пол-Союза, пока дочка маленькая была. Он как-то рано повзрослел, обрел мужскую степенность, уверенность. Верите, даже

ребята из его части в Белоруссии писали нам, что такого доброго офицера еще поискать — в свои 22–23 года их, 18-летних, он опекал, словно отец. Вот и нам тогда, в сентябре 1982-го, и словом не обмолвился, что его ждет, и виду не подал. А мы искренне думали,

